

УДК 94(497.1)“1945/1962”

ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АСПЕКТ СЛУЖЕБНЫХ КАРЬЕР В ЮГОСЛАВСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1945–1962)

Шахин Ю. В.

*Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: y-v-shahin@yandex.ru*

Предпринята попытка применить к Югославии концепцию Б.Андерсона о влиянии служебных карьер на развитие национальных идентичностей. В 1945–1962 гг. пространственная конфигурация служебных карьер в Югославии тяготела к замыканию в республиканских политических границах, что создавало благоприятные условия для формирования республиканских бюрократических кланов. К концу 1940-х гг. эта тенденция охватила и автономии в составе Сербии. Существовал только один канал выхода карьеры за региональные рамки – переход на работу в центральные органы. Реформы начала 50-х гг. XX века в значительной мере его перекрыли благодаря децентрализации и принципу делегирования. Попытки развить горизонтальные контакты республиканских кадров в 50-е гг. не принесли результатов. Эти процессы вызывали нарастающее отчуждение между региональными группировками партийно-государственной бюрократии и размывание их югославской идентичности.

Ключевые слова: Югославия, кадровая политика, партийно-государственная бюрократия, идентичности, республиканизм.

Одно из перспективных направлений исследования дезинтеграционных процессов в федеративной Югославии – изучение этнономенклатурных кланов. Однако механизм формирования клановых структур югославской бюрократии всё еще изучен недостаточно. В данной статье предпринята попытка проанализировать влияние официальных служебных карьер партийных и государственных должностных лиц на их клановую организацию и формируемые на ее основе идентичности.

Для поставленной проблемы большое значение имеют идеи Бенедикта Андерсона о генезисе национализма в странах Латинской Америки. Он объясняет появление креольского национализма в XVIII веке пространственной конфигурацией служебных карьер у местных региональных бюрократий [1, с. 114–122]. Андерсон применил это объяснение для решения трудной исторической проблемы, как возник буржуазный национализм в обществах, где почти не было сложившегося класса буржуазии, между тем, в федеративной Югославии мы сталкиваемся с аналогичной трудностью: в обществе, где буржуазия классического типа была в лучшем случае маргинальным явлением, происходят бурные национальные процессы, протагонистом которых оказывается бюрократия и связанная с ней интеллигенция.

В Латинской Америке Андерсон рисует такую схему. Прежде всего, административно-территориальные единицы испанских колоний были экономически обособлены друг от друга, и это создавало материальную

предпосылку для их восприятия как родины. Однако простой экономической обособленности для этого было мало, требовалось возникновение коллективной общности. Описывая ее рождение, Андерсон использует метафору «секулярное паломничество». Путешествие между временем, статусом и местом создает смыслообразующий опыт, в частности, чувство коллективной идентичности. Чтобы оно развилось у бюрократии, требуются территориальные рамки, задаваемые ограничениями как в вертикальной, так и в горизонтальной мобильности. Так креол, уроженец испанской колонии в Америке, мог сделать чиновничью карьеру чаще всего в рамках своей административно-территориальной единицы, иногда в рамках соседней, но при этом не мог сделать карьеры в метрополии, а в колонии ему были недоступны высшие ступени иерархии. На этой основе и рождалась коллективная идентичность. Однако, как следует из замечаний Андерсона, само по себе такое чувство общности еще не является национальным, оно должно еще и быть определенным образом структурировано. В случае с народами Югославии к 1950-м гг. это второе условие уже существовало: в наиболее развитых югославянских регионах процесс национального строительства насчитывал около ста пятидесяти лет, и готовые клише для структурирования коллективных идентичностей в национальном духе успели укорениться в местной культуре. Поэтому задача по исследованию траекторий служебных карьер сводится лишь к одному вопросу: в какой мере эти служебные пути способствовали укреплению или ослаблению региональных и общегославской национальных идентичностей.

Во время распада Югославии линии разлома, за небольшими исключениями, прошли по политико-административным границам, поэтому особое значение имеет вопрос о пересечении именно республиканских границ в процессе службы. Помимо республиканских заслуживают внимания также границы автономий в составе Сербии. Исходя из концепции Андерсона можно сформулировать такую гипотезу о пространственном движении управленческих кадров в Югославии: если оно преодолевало границы национальных республик, то снижалась угроза развития республиканских национализмов и наоборот. Представленное исследование призвано проверить эту гипотезу на конкретно-историческом материале середины 1940-х – начала 1960-х гг. Исследование завершается 1962 г., поскольку тогда начались принципиальные изменения в кадровой политике, связанные с системой ротации. Упреждая возможные возражения, что этот временной отрезок слишком мал для существенного влияния служебных карьер на выработку идентичностей, важно подчеркнуть, что речь здесь идет не о выработке новых идентичностей с нуля, а об изменении баланса между уже существующей югославской и национальными. Для таких изменений достаточно движения служебных карьер в относительно короткие сроки.

В историографии и доступных нам источниках отсутствуют количественные данные по движению кадров в Югославии. Возможно, в каких-то кадровых службах проводились подобные подсчеты, но о них до сих пор не известно. По этой причине данное исследование опирается не на числа, а на качественные оценки современников, которые зафиксированы в источниках.

Население широко мигрировало между югославскими республиками. В частности, по данным 1971 г. из 20,52 млн. жителей Югославии 1,68 млн. проживали за пределами республик и краев, в которых родились [12, s. 350, 352]. Различные группы населения, не связанные с партийным и государственным аппаратом достаточно свободно перемещались по территории страны. До 1952 г. их миграции могли быть как добровольными, так и принудительными, поскольку существовала практика планового распределения квалифицированных кадров. С 1952 г. остались только добровольные механизмы перемещения, за исключением немногих ведомств и предприятий, у которых кадровая политика была централизована в масштабах всего государства. Исключая административную и политическую сферу, переселенцы могли делать успешную карьеру за пределами своей республики. Например, инженер Д.Чкрбич, будучи уроженцем южной Сербии, в 1954 г. переехал на работу в Тузлу на территории Боснии и Герцеговины. Там он быстро прошел путь до директора фабрики соды в Луковце, но решив перейти на работу в государственные хозяйственные органы, с января 1961 г. вернулся в Сербию, где вскоре досрочно достиг ведущих должностей в правительстве [3, с. 85, 155, 217, 321].

В Югославии действовало негласное правило, по которому управленческую карьеру в республике мог сделать только ее уроженец. Оно нигде не было прописано, но последовательно соблюдалось. Перемещения партийных работников и государственных служащих из республики в республику по общему правилу были невозможны. Исключения составляли военнослужащие, сотрудники органов внутренних дел (включая спецслужбы), пограничники, таможенники [21, s. 44], работники некоторых служб транспорта и связи. Ни у одного югославского политика мы не найдем чего-либо подобного карьерному пути Брежнева, который родился на Украине, но занимал высокие должности в Молдавии и Казахстане. В Югославии и партийный и государственный работник был обречен продолжать карьеру в пределах той республики, где родился.

Кадровая изоляция высших звеньев республиканской номенклатуры друг от друга привела даже к прекращению горизонтальных контактов с середины 1940-х до начала 1960-х гг. Политические руководители республик не ездили друг к другу и не проводили совместных мероприятий, встречаясь только на союзных. П. Стамболич вспоминал, как возглавил в 1948 г. ЦК компартии Сербии и вскоре получил от известного писателя М.Крлежи предложение посетить Хорватию: «Время было такое, что я его едва понял, что я позабыл в Хорватии за пределами наших устоявшихся и ясных иерархических отношений, и больше ощущал себя партийным работником, чем политиком» [15, s. 146–147]. В марте 1962 г. на расширенном заседании Исполкома ЦК СКЮ Р. Дугонич отметил, что республиканские функционеры не могут свободно посещать другие республики, хотя во время войны это было вполне естественно, а теперь вызовет недовольство в месте посещения: чего ему здесь надо? Каждый погружается в свою республику и не смотрит на вещи с общегославской точки зрения, даже руководящие республиканские кадры мало знают о том, что происходит в других республиках

[20, s. 80–81]. В. Влахович согласился с Дугоничем, что партийными руководителями постепенно овладел страх перед поездками в республики. «Мы прекратили практику, когда из центра едут в республики по политическим задачам. Есть в аппарате люди, которые обследуют срезы, однако если бы Петрович-Шане пригласил Влаховича на пленум Социалистического союза [Сербии], Влаховичу было бы неудобно – идти или нет». Д. Петрович-Шане тут же принялся его убеждать, что это было бы хорошо и полезно, а Влахович всё равно колебался, «потому что мы эту практику уже прекратили» [20, s. 132–133].

Был лишь один путь, выводящий политическую или служебную карьеру за республиканские границы, – переход на работу в союзные органы. Особенно широкой эта дорога была в 1945–1950 гг. В это время компартия Югославии копировала советские порядки и выстраивала мощную систему централизованного управления обществом. Союзный аппарат неудержимо разрастался и испытывал хронический кадровый голод. Перспективные партработники и квалифицированные специалисты широким потоком двигались из республик в Белград. Кто-то устремлялся туда добровольно, а кого-то в административном порядке переводили кадровые органы ЦК КПЮ. Среди таких фигур в первую очередь заслуживает упоминания словенец Б. Кидрич, быстро превратившийся в политика общегославского масштаба. А в ответ из республик звучали жалобы, что изъятие кадров приводит к сбоям в работе их аппарата [23, s. 126].

Помимо потребности в кадрах была еще одна причина для перевода тех или иных деятелей на работу в центр. Таким приемом партия традиционно воспитывала перспективные региональные кадры, излишне увлекавшиеся местными интересами в ущерб югославским. Рецепт этого лекарства от местничества впервые предложил Э. Кардель еще в мае 1944 г., когда еще шла партизанская война, и будущие республики только формировались. Именно на середину 1940-х гг. пришлась первая большая волна его применения. Например, осенью 1944 г. из хорватского руководства в центр перевели А. Хебранга. Историк Е. Водушек-Старич утверждает, что этот же прием был применен к хорватским и словенским политикам Чулиновичу, Грегоричу, Вилфану, Сною и другим [22, s. 81, 101]. В широких масштабах он затронул партийные кадры из Воеводины, выступавшие за более высокий статус этой автономии, чем готов был утвердить ЦК КПЮ. В августе 1945 г. в Белград были переведены воеводинские партийные лидеры Ё. Веселинов и С. Дороньский, в 1946–1947 гг. по их пути последовали М. Калафатич и еще не менее десятка человек. В Белграде большинство из них попало в сербские центральные республиканские учреждения, так как Воеводина была автономией в составе Сербии [16, s. 122–123].

Перевод в центр, по-видимому, неплохо помогал изжить республиканизм и местничество. Особенно впечатляет эволюция Ё. Веселинова. Он оказался самым выдающимся воеводинцем в Белграде и на пике карьеры возглавил сербскую парторганизацию (1957–1967 гг.). «Более того, хотя именно он в 1945 г. провозгласил воеводинскую автономию, два десятилетия спустя Веселинов не стеснялся ставить под сомнение целесообразность ее существования» [2, с. 121].

Общие принципы, по которым строились политические карьеры в республиках со второй половины 1940-х гг., сперва не применялись к автономиям, образованным на территории Сербии. Ее руководство свободно перемещало партийные и государственные кадры по всей территории республики, ставя во главе автономий уроженцев других регионов. Косово и Метохию возглавил Дж.Пайкович, а Воеводиной последовательно руководили В.Лекович и Д.Видич [15, s. 36; 16, s. 123]. Исследования региональных историков показывают, что в 1946–1948 гг. в Воеводине происходило общее вытеснение местных кадров с ключевых позиций. Две трети состава краевого управления госбезопасности, включая начальника Д.Ристича, были выходцами из южной Сербии, к концу 1948 г. приезжие кадры возглавляли краевое вече профсоюзов, и примерно десяток секретарей срезных парткомов тоже были неместного происхождения [16, s. 138–139, 161]. Однако кадровая политика в Воеводине изменилась с декабря 1948 г. На восьмой партконференции в руководство крайкома были возвращены Веселинов и Дороньский, как полагают, по инициативе П. Стамболича, нового политсекретаря ЦК компартии Сербии. Вскоре Дороньский стал организационным секретарем, т.е. получил в свои руки контроль над краевой номенклатурой, и развернул кампанию по вытеснению пришлых сербских кадров и замене их воеводинскими. Своих земляков он специально отзывал с работы в Белграде. Так в Воеводину вернулись Г. Тиквицкий, П. Релич, Дж. Ёванович, М. Прибич, Д. Секич, Д. Кекич, М. Тепавац. По-видимому, руководство Сербии ему в этом благоволило. Наконец в мае 1951 г. Дороньский стал политсекретарем крайкома, и возвращение воеводинцев к власти в крае завершилось [16, s. 140–141, 156, 161]. С тех пор партийно-государственные кадры в автономиях Сербии пополнялись по тому же принципу, что и в республиках – за счет местных уроженцев.

С 1950 г. в Югославии начинается строительство самоуправленческого социализма и происходит децентрализация. Ее первый акт пришелся на 1950–1953 гг. В результате движение кадров из республик в союзный центр прекратилось, и пошел прямо противоположный процесс. Опубликованные статистические данные до сих пор не полны, но позволяют оценить масштаб перемен. В конце 1940-х гг. в органах и учреждениях федерации было занято 140 тыс. человек. Только за 1950 – начало 1951 г. число занятых в органах власти и общественно-политических организаций уменьшилось на 100 тыс. человек, а аппарат центральных органов управления в относительном выражении сократился за это же время на 40–60 %. Еще одна характерная пара чисел: в 1948 г. в союзных органах управления работали 47,3 тыс. служащих, а в 1956 г. 10,3 тыс. [12, s. 161, 175–176; 18, s. 234]. Изменения затронули и партаппарат. К сожалению, для начала 1950-х гг. мы располагаем данными только по общей численности профессиональных партийных работников, где республики и союзный центр не разделяются, но и они указывают на общую тенденцию: в 1950 г. их было 11930, а к ноябрю 1952 г. 4599 человек (по другим данным 5156) [13, p. 102; 17, p. 23].

В ходе реформ начала 1950-х гг. в органах федерации зародился новый организационный принцип, который существенно снижал потенциал выхода

служебной карьеры из республиканских рамок на союзный уровень. Это принцип делегирования. В 1950–1952 гг. вместо хозяйственных министерств на союзном уровне действовали шесть советов. Каждый состоял из союзного председателя и председателей соответствующих республиканских советов, которые входили туда по должности, занимаемой в республике [12, s. 176]. Эти советы к 1953 г. были упразднены, но принцип делегирования в политической системе остался. По конституционному закону 1953 г. он применялся в Союзной скупщине для формирования депутатского корпуса, на его основе целиком комплектовалось Вече производителей и небольшая часть Союзного веча. В работе ряда комитетов Союзного исполнительного веча участвовали председатели соответствующих республиканских органов именно в силу занимаемых должностей. Этот же принцип в 1950-е гг. проник в ЦК СКЮ. Ряд комиссий союзного ЦК формировался по схеме: председатель и шесть членов, каждый из которых представляет одну республику.

Во всех этих случаях выполнение каких-либо функций в союзных органах определялось положением человека не в союзной, а в республиканской системе управления. Как сказал бы Б. Андерсон, члены таких органов могли задаться вопросом «Почему мы здесь?». Ответ бы гласил «Потому что каждый из нас – республиканский руководитель». Система делегирования в союзные органы однозначно снижала потенциал для выработки общегославской идентичности, республики постепенно превращались в основные центры притяжения для своих земляков, участвующих в работе союзных органов. Уже в 1956 г. идеологическая комиссия ЦК СКЮ констатировала в своих решениях, что союзный центр сильно ослаб и уступил свою роль республикам: «Нужно укрепить югославский политический центр. Сейчас республики являются центрами во всех сферах общественной жизни» [9, l. 112].

Оценки, которые звучали в ЦК СКЮ на протяжении десяти лет, свидетельствуют, что децентрализация если и не совсем закупорила, то резко сузила канал, выводящий служебную карьеру за республиканские рамки и усилила склонность республик придерживать у себя ценные кадры. В июне 1954 г. В.Влахович на заседании Оргсекретариата ЦК СКЮ жаловался, что «когда речь идет о любом пополнении кадров... всегда считается, что все наши учреждения можно организовать с кадрами из Белграда или из Сербии» [7, l. 61]. В январе 1955 г. В. Зекович на заседании того же органа жаловался, что падает приток республиканских кадров в союзные органы власти и управления, поэтому «мы главным образом должны заимствовать кадр из союзных учреждений, которые на самом деле не имеют много кадров» [8, l. 81]. В апреле 1956 г. на заседании Исполкома ЦК СКЮ С. Вукманович жаловался, что «республиканские руководства не дают кадры, необходимые союзному аппарату, а также что определенные кадры сопротивляются переходу в Белград и союзные учреждения» [4, s. 124]. В марте 1962 г. Н. Минчев на расширенном заседании Исполкома ЦК СКЮ пожаловался, что действующее законодательство ограничивает союзную администрацию в решении ее кадровых вопросов. Также он привел оценки, свидетельствующие, что управленческие кадры не движутся в союзный центр: в союзной администрации не

только руководящие, но и средние кадры в основном старые по возрасту, а ряд республик особенно упорно не отдает кадры в центр [20, s. 110]¹. В июне 1962 г. А. Ранкович критиковал республиканские партийные кадры за уклонение от кадровых решений, ведущих их к переходу на работу за пределы своей республики [6, s. 34]. Таким образом, замедленное движение кадров в союзный центр еще больше тормозилось сопротивлением со стороны республик.

К началу 1960-х гг. часть республиканской интеллигенции уже начала считать карьерные маршруты, выходящие за рамки своей республики, морально неприемлемыми. Так в конце 1961 г. словенский литературный критик Д. Пирьевец осуждал словенцев, делающих карьеру в центральном бюрократическом аппарате, так как они становятся централистами, и словенских культурных деятелей, делающих творческую карьеру за пределами своей республики – в хорватской и сербской культурной среде: хотя они и сохраняли словенские национальные чувства, они публиковались в других республиках [14, s. 161; 19, s. 1122, 1124].

Началось ослабление югославской идентичности в среде партийно-государственной номенклатуры, что не укрылось от внимания современников. В марте 1962 г. об этом прямо заявили Р. Дугонич и С. Стефанович [20, s. 80, 182]. Примечательно, что у обоих политические карьеры не замыкались в республиканских рамках: Дугонич до того как стал членом боснийского ЦК, с 1943 по 1948 г. возглавлял Союз коммунистической молодежи Югославии, потом – горком Белграда и работал дипломатом, а Стефанович с середины 1940-х гг. непрерывно работал в союзном руководстве спецслужб и органов внутренних дел, в частности с 1953 по 1963 гг. возглавлял союзный секретариат внутренних дел. Так что концепция Б. Андерсона легко позволяет понять, почему эрозия югославской идентичности в их окружении именно им двоим бросалась в глаза.

В 1950-е гг. высшие партийные руководители Югославии не только сетовали на замыкание кадров в республиканских границах, но и пытались что-то изменить. До 1962 г. эти усилия отличались поверхностным характером. Еще в 1953 г. во время подготовки к выборам в новую Скупщину они планировали, «чтобы политические люди из одной республики отправлялись в другие республики», но почти ничего сделано не было. Например, в Словению однажды прибыла группа депутатов и всё. Весной 1956 г. широкомасштабную программу взаимных визитов анонсировала идеологическая комиссия ЦК СКЮ. Предполагалось два-три раза в год проводить политические совещания республиканских представителей в Белграде и хотя бы раз в месяц устраивать общесоюзные совещания в республиканских центрах. В программу взаимных поездок и межреспубликанского знакомства помимо политиков предполагалось включить рабочих, студентов, школьников и специалистов [10, l. 51, 78]. Первый итог выполнения этих планов подвел А. Ранкович в феврале 1958 г. на заседании Исполкома ЦК СКЮ: «Мы раньше неоднократно подчеркивали, что было бы очень полезно, если бы наши

---

¹ В источнике фамилия Минчева отсутствует, она установлена автором путем анализа стенограммы.

руководящие люди, которые работают в одной республике, отправлялись в другую республику ради лучшего знакомства с обстоятельствами в этих республиках, практикой, методами и опытом работы. Однако, мы в этом не имеем даже единичных случаев, не говоря уже о какой-нибудь практике. Из этого нельзя не сделать вывод, что всё больше ощущается замыкание в республиканские рамки» [5, s. 33]. Таким образом, речь во всех случаях шла не о переводе на работу за пределы республики, а лишь о временных командировках, но даже эти поверхностные меры не осуществлялись.

Интересно, что исключением из общих тенденций движения кадров оказалась Черногория. Когда в январе 1955 г. Оргсекретариат ЦК СКЮ обсуждал кадровые вопросы в государственных органах, было предложено создать союзную и республиканские школы для дополнительного обучения кадров, при этом руководство склонялось к мысли, что для маленькой Черногории такая школа не нужна, и черногорские кадры будут ездить на обучение в другие республики. Тем самым расширялся потенциал их межреспубликанской мобильности. Центром обучения черногорских кадров стала Сербия. Эту практику официально закрепило соглашение ЦК двух республик о взаимном сотрудничестве, заключенное в декабре 1963 г. В кадровой сфере они договорились оповещать друг друга о совещаниях и встречах с возможностью взаимного присутствия политических работников каждого ЦК, взаимно участвовать в семинарах политического актива, продолжить практику обучения политработников Черногории в Сербии [11, s. 7, 8–9]. Также стороны договорились об унификации школьных программ и обучении в Сербии черногорских специалистов. Эти тесные связи партийно-государственная бюрократия двух республик не решилась разорвать даже в условиях распада югославской федерации: только Черногория в начале 1990-х гг. согласилась и дальше жить в одном государстве с Сербией.

Итак, пространственная конфигурация служебных карьер тяготела к замыканию в республиканских политических границах с момента образования югославской федерации, что создавало благоприятные условия для формирования республиканских бюрократических кланов. К концу 1940-х гг. эта тенденция охватила и автономии в составе Сербии. Существовал только один канал выхода карьеры за эти рамки – переход на работу в центральные органы. Реформы начала 1950-х гг., дали мощный импульс к замыканию служебных карьер в республиканских границах за счет децентрализации и принципа делегирования. Попытки развить горизонтальные контакты республиканских кадров в 1950-е гг. не принесли результатов. Эти процессы вызывали нарастающее отчуждение между региональными группировками партийно-государственной бюрократии и размывание их югославской идентичности. Представляется, что концепция Б.Андерсона, предложенная на материале Латинской Америки, вполне применима к истории Югославии и позволяет объяснить последующее развитие националистических настроений в 1960–1980-е гг.

Список использованных источников и литературы

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2016. – 416 с.
Anderson B. Imagined communities. Reflections on the origin and spread of nationalism. – Moscow, 2016. – 416 p.
2. Бјелица С. Спорови око аутономије Војводине. – Књ. 1: 1961–1974. – Београд, 2015. – 342 с.
Bjelica S. Sporovi oko autonomije Vojvodine. – Knj. 1: 1961–1974. – Beograd, 2015. – 342 s.
3. Чкребић Д. Поглед искоса: људи, судбине, коментари. – Београд, 2009. – 457 с.
Čkrebić D. Pogled iskosa: ljudi, sudbine, komentari. – Beograd, 2009. – 457 s.
4. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/III: Sednice IK CK SKJ. – P. 66: Zapisnik sa sednice IK CK SKJ održane na Brionima 2 aprila 1956. godine. – S. 113–124.
5. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/III: Sednice IK CK SKJ. – P. 75: Stenografske beleške sa proširene sednice IK CK SKJ održane 6 februara 1958. godine u Beogradu. – 111 s.
6. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/III: Sednice IK CK SKJ. – P. 92: Prilog 1. Predlog referata druga Aleksandra Rankovića za četvrti plenum CK SKJ: «Sprovođenje zaključaka Izvršnog komiteta CK SKJ i dalje zadaci Saveza komunista». Beograd, 17 jula 1962. – 44 s.
7. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/V: Organizaciono-politički sekretarijat CK SKJ. – Kutija VIII. – P. 32: Konferencija Organizacionog sekretarijata CK SKJ održana 10 i 11.VI.1954 g. – 99 l.
8. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/V: Organizaciono-politički sekretarijat CK SKJ. – Kutija IX. – P. 1: Stenografske beleške sa sednice Organizacionog sekretarijata CK SKJ održane 23.I.1955 godine. – 152 l.
9. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/VIII: Ideološka komisija CK SKJ. – Kutija 5. – P. II/2-b-87: Izvod iz zapisnika sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ. – L. 109–112.
10. Arhiv Jugoslavije. – F. 507/VIII: Ideološka komisija CK SKJ. – Kutija 5. – P. II/2-b-87: Stenografske beleške sa sastanka Ideološke komisije CK SKJ 8 i 9.V.1956. – L. 1–108.
11. Arhiv Jugoslavije. – F. 837: Kabinet predsednika republike. – P. II-3-a-2/42: Prilog: Zaključci sa zajedničkog sastanka izvršnih komiteta CK SK Srbije i CK SK Crne Gore, 19. XII.1963. – 9 s.
12. Bilandžić D. Historija Socijalistike federativne republike Jugoslavije: glavni procesi: 1918–1985. – Zagreb, 1985. – 830 s.
13. Cohen L. Regional elites in Socialist Yugoslavia: Changing patterns of recruitment and composition // Leadership selection and patron-client relations in the USSR and Yugoslavia. – London, Boston, Sydney, 1983. – P. 98–135.
14. Ćosić D. Nacija, integracija, socijalizam // Delo. – 1962. – №2. – S. 137–166.
15. Glišić V. Susreti i razgovori: prilozi za biografiju Petra Stambolića. – Beograd, 2010. – 170 s.
16. Končar R., Boarov D. Stevan Doronjski: odbrana autonomije Vojvodine. – Novi Sad, 2011. – 879 s.
17. Lilly C.S. Power and persuasion. Ideology and rethoric in communist Yugoslavia, 1944–1953. – Colorado-Oxford, 2001. – XII, 272 p.
18. Morača P., Bilandžić D., Stojanović S. Istorija Saveza komunista Jugoslavije. Kratak pregled. – Beograd, 1977. – 356 s.
19. Pirjevec D. Slovenstvo, jugoslavljanstvo in socializem // Naša sodobnost. – 1961. – № 12. – S.1116–1129.
20. Početak kraja SFRJ. Stenogram i drugi prateći dokumenti proširene sednice Izvršnog komiteta CK SKJ održane od 14 do 18 marta 1962. godine / priredio M.Zečević. – Beograd, 1998. – 311 s.
21. Širok K. Iz juga na sever: migracije v Slovenijo v kontekstu izgradnje urbanih okolij na primeru Nove Gorice // Slovenija v Jugoslaviji: povzetki, simpozij. – Ljubljana, 2013. – S. 44–46.
22. Vodušek-Starič J. Prezem oblasti 1944–1946. – Ljubljana, 1992. – 146 s.
23. Zapisniki Politbiroja CK KPS/ZKS, 1945–1954. – Ljubljana, 2000. –126 s.

Y. V. Shakhin. Spatial aspect of service careers in the Yugoslav Federation (1945–1962)

The article attempts to apply to Yugoslavia B. Anderson's concept of the influence of service careers on the development of national identities. In 1945–1962 the spatial configuration of service careers in Yugoslavia tended to close within republican political boundaries, which created favorable conditions for the formation of republican bureaucratic clans. By the end of the 1940's this trend also covered the autonomy districts within

Serbia. There was only one channel for a career to go beyond the regional framework – the transition to position in the central governing bodies. Reforms in the early 1950's blocked it to a large extent thanks to decentralization and the principle of delegation. Attempts to develop horizontal contacts of republican cadres in the 1950's didn't got results. These processes caused a growing alienation between the regional groupings of the party-state bureaucracy and the erosion of their Yugoslav identity.

Keywords: Yugoslavia, personnel policy, party-state bureaucracy, identities, republicanism.